

науки в 60-х годах XVIII века, которое никак не удовлетворяло требованиям передового европейского знания» (стр. 7). «Что касается... передовой общественной науки XVIII века, руководимой идеями Просвещения, то русские студенты действительно усваивали эти „идеи и начала“ в лейпцигские годы, но как раз вне стен Лейпцигского университета и зачастую в борьбе с представителями университетской науки» (стр. 7—8). «Жажда знаний вела их в область философской и морально-правовой теории, и здесь они вынуждены были следовать за своими учителями в дебри бессодержательной догматики и реакционной идеалистической метафизики» (стр. 36). И, наконец, как вывод: «Суммируя идейную работу русских студентов в Лейпциге, можно утверждать с достаточной уверенностью, что они отвергли университетскую науку, так как они стояли на идейных позициях Просвещения» (стр. 66). Приводя такой документ, как коллективный отказ студентов слушать лекции профессора Беме 1771 года, А. И. Старцев и в нем видит лишь подтверждение того, что якобы и Радищев и его товарищи «к этому времени усвоили вполне отрицательное отношение к лейпцигской университетской науке» (стр. 47).

Нам кажется, что подобные обобщения недостаточно обоснованы. Это становится особенно наглядным, если учесть следующие факты:

1. Знакомство с новейшими архивными материалами показывает, что именно в Лейпцигском университете Радищев получил блестящее, энциклопедическое образование: знание философии, истории, юриспруденции, литературы, медицины, химии, физики, математики, логики, иностранных языков (немецкого, французского, латыни, итальянского). Достаточно обратиться к материалам о результатах всех экзаменов, отзывам профессоров, письмам Белосельского, в которых неизменно отмечалось, что наиболее «образованным» из всех студентов, «превзошедшим даже чаяния своих учителей», был А. Н. Радищев.

2. Итогом занятий студентов в университете являются их письменные сочинения. К сожалению, до сих пор они не найдены, но об их тематике, о характере вопросов, которые в них поднимались, можно судить по сочинению Ф. Ушакова, план и содержание которого подробно излагает Радищев в «Житии» последнего. На примере этого сочинения видно, насколько важные и серьезные проблемы ставили и разрешали студенты в своих работах, как хорошо они были знакомы с современной философской наукой. В сочинении Ф. Ушакова, помимо завуалированных ссылок на разных философов и полемики с ними, имеется целый ряд прямых упоминаний «Общественного дого-